

Максим ГОРЬКИЙ

Две души

Катастрофа, никогда еще не испытанная миром¹, потрясает и разрушает жизнь именно тех племен Европы, духовная энергия которых наиболее плодотворно стремилась и стремится к освобождению личности от мрачного наследия изжитых, угнетающих разум и волю фантазий древнего Востока — от мистик суеверий, пессимизма и анархизма, неизбежно возникающего на почве безнадежного отношения к жизни.

Восток, как это известно, является частью преобладания начал эмоциональных, чувственных над началами интеллекта, разума: он предпочитает исследованию — умозрение, научной гипотезе — метафизический догмат. Европейец — вождь и хозяин своей мысли; человек Востока — раб и слуга своей фантазии. Этот древний человек был творцом большинства религий, основоположником наиболее мрачной метафизики; он чувствует, но не изучает, и его способность объединять свой опыт в научные формы — сравнительно ничтожна.

Восприняв чувственно и умозрительно силу стихий, Восток обоготворил их и безвольно подчинился им, покорный всякой силе, тогда как люди Западной Европы, овладевая энергией природы посредством изучения ее, стремятся подчинить и подчиняют эту энергию интересам и разуму человека.

Задача европейской науки — именно в том, чтобы, изучив силы природы, заставить их работать на человека, освободить личность из плена догмата, суеверий, предрассудков, из тисков подневольного труда и претворить освобожденную физическую энергию в духовную.

Эта задача европейской науки и культуры была неведома Востоку; только с прошлого столетия наиболее чуткие люди стран Азии начали принимать великий научный опыт Европы, ее методы мышления и формы жизнедеятельности.

Основное мироощущение Востока легко укладывается в такую формулу: человек навсегда подчинен непознаваемой силе, она не постижима разумом, и воля человека — ничто пред нею. Для европейской науки непознаваемое — только непознанное.

«Кисмет»², — говорит магометанин, покорно подчиняясь Року, а европеец Ромен Роллан гордо заявляет: «Француз не знает Рока».

Это не совсем верно: Запад знает Рок, уверенно борется с ним и, чувствуя себя призванным к победе над Роком, постепенно вовлекает в эту великую бобу и Восток. Запад рассматривает человека как высшую цель природы и орган, посредством коего она познает самое себя, бесконечно развивая все свойства этого органа; для Востока человек сам по себе не имеет значения и цены.

Пытаясь ограничить непомерно развитую чувственность, Восток создал аскетизм, монашество, отшельничество и все иные формы бегства от жизни, мрачного отрицания ее. Табак, опиум и другие наркотики, цель которых усилить или подавить эмоции, — тоже излюблены и даны миру Востоком. Земная жизнь для усталого, но чувственного человека восточных стран кажется призрачной, лишённой смысла, а убеждение в возможности иного, посмертного, бытия побуждает его уже на земле готовиться к райскому покою, как это делали пустыnnики Фиваиды³, как делают аскеты Индии и наши сектанты-мистики.

На Востоке берут свое начало скопчество, стремящееся прекратить размножение человеческого рода, и анархическое «бегунство», «странничество», отрицающее все формы социальной и политической организации.

Религиозная нетерпимость, фанатизм, изуверство — это тоже продукты эмоций Востока, и хотя почти все эти эмоции привиты арийцам Запада, но это для западной культуры не характерно; здоровый человек может заразиться проказой, но проказа — болезнь, рожденная на Востоке.

Для Европы характерна резко выраженная ею активность ее жизни, ее культуры, основанной на изучении и деянии, а не на внушении и догмате — началах древней культуры Востока.

Человек Востока ожидает вечного счастья и покоя за пределами земли, в области воображения; европеец хочет достичь долголетнего счастья на земле.

Цель европейской культуры — быть культурой планетарной, объединить в своем труде, в своих идеях все человечество нашей планеты.

Лозунги Европы — равенство и свобода на основаниях изучения, знания, деяния.

Содди⁴, радиоактивист, оценивая современное состояние европейской науки, говорит: «Мы имеем законное право верить, что человек приобретет власть направить для собственных целей первичные источники энергии, которые природа теперь так ревниво охраняет для будущего. Вследствие прогресса физики мы находимся на повороте восходящего движения цивилизации, делая первый шаг вверх, на низшую ступень следующей восходящей ветви. Пред нами — хотя все еще неопределенно впереди — идет подъем к физической власти над природой; он идет далеко за пределы мечтаний смертных, мечтаний, выраженных в любой философской системе. Эти возможности нового порядка вещей, лучших условий бытия, чем какие когда-либо предсказывались, — не являются обещаниями из иного мира. Они существуют в этом мире, за них надо сражаться и бороться, чтобы вырвать их из цепких рук природы, как были вырваны в прошлом все наши успехи, наша цивилизация работой коллективного мозга человечества, направляющего и умножающего ничтожную силу отдельного человека».

Это — боевой клич европейца, уверенного в творческой силе воли своей, разума своего.

Китаец Лао Сы⁵ учит:

«Единственно, чего я боюсь, это — быть деятельным. Все должны быть бездеятельными. Бездеятельность — полезнее всего, существующего между небом и землей. Когда все сделаются бездеятельными, то на земле наступит полное спокойствие».

Вот непримиримое противоречие Запада и Востока. Именно это, рожденное отчаянием, своеобразие восточной мысли и является одной из основных причин политического и социального застоя азиатских государств. Именно этой подавленностью личности, запутанностью ее, ее недоверием к силе разума, воли и объясняется мрачный хаос политической и экономической жизни Востока. На протяжении тысячелетий человек Востока был и все еще остается в массе своей «человеком не от мира сего».

Конечно, и Восток по-своему деятелен, но его деятельность подневольна, ее вызывает только суровая сила необходимости — человеку Востока незнакомо наслаждение процессом работы, ему недоступна поэзия, неведом пафос деяния.

Люди Запада давно уже доросли до понимания планетарного смысла труда, для них деяние — начало, единственно способ-

ное освободить человека из плена древних пережитков, из-под гнета условий, стесняющих свободу духовного роста личности.

На Западе труд — выражение коллективной воли людей к созданию таких форм бытия, которые имеют целью — бесконечно расширяя область приложения энергии человека в борьбе с природой, — поработить силы природы интересам и воле человека.

Оговорюсь, — противопоставляя Восток Западу, я отнюдь не думаю о каких-либо «метафизических сущностях» или о «расовых особенностях», которые якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их.

Нет, я слишком глубоко верю в силы разума, исследования, деяния, для того чтобы считать временное — вечным. Семиты — тоже люди Востока, но кто станет отрицать их огромную роль в деле строительства европейской культуры, кто усомнится в их великой способности к творчеству, в их любви к деянию?

Я противопоставляю два различных мироощущения, два навыка мысли, две души. Основная сущность их — одинакова, — стремление к добру, красоте жизни, к свободе духа. Но по силе целого ряда сложных причин большинство человечества еще не изжило древнего страха перед тайнами природы, не возвысилось до уверенности в силе своей воли, не чувствует себя владыкой своей планеты и не оценило сущности деяния как начала всех начал.

Неоспоримо, что внешние условия жизни Востока издревле влияли и все еще продолжают влиять на человека в сторону угнетения его личности, его воли. Отношение человека к деянию — вот что определяет его культурное значение, его ценность на земле.

*   *
*

Мысли, изложенные выше, разумеется, не представляют нового: непримиримость мироощущений Востока и Запада подчеркивалась не однажды и гораздо более резко, более ярко.

Даже мыслители мусульманского мира признают преимущества западноевропейской культуры и понимают мрачные стороны культуры Востока.

Касим Амин⁶, прозванный «Лютером Востока», говорит в своей книге «Новая женщина»: «Происхождение разногласия между нами и западными объясняется тем, что они поняли

природу человека, уважают его личность». Он же признает, что «причиной, остановившей прогресс цивилизации на Востоке и ограничившей все движение жизни одним кругом, без возможности выйти из него», — этой причиной явился «хронический деспотизм». Муаллим-Наджи⁷, турок, литератор, еще в 80-х годах писал Анджело Губернатису⁸: «Мы не научимся понимать друг друга, пока между вами и нами будет стоять стена религиозного фанатизма».

Критическое и отрицательное отношение мыслителей Востока к основам своей культуры зародилось еще в XVII веке, после поражения турок под Веной. Уже с той поры на Востоке время от времени стали раздаваться единичные голоса, осуждающие лень, косность и пассивное отношение к жизни.

В «Китабе-Акдес», священной книге бабидов⁹, стих 70-й учит: «О, люди, Беха, каждому из вас обязательно занятие каким-либо делом, — или ремесленным, или промышленным и тому подобным».

Стих 72-й говорит: «Самые ненавистные для Бога те, которые сидят и просят; держитесь непрерывно дела».

Еще дальше идет Беха-Улла¹⁰, автор «Китабе-Акдес», в своей беседе с Э. Г. Броуном: «Мы же даем, — говорит он, — чтобы все народы пришли к единой вере, и люди стали братьями; чтобы рознь религиозная перестала существовать и уничтожено было различие национальностей. Распри, кровопролития и раздоры должны кончиться, и все люди составят одну семью, одну родню. Да не возгордится человек тем, что любит свою родину, а пусть гордится тем, что любит род человеческий!»

В 50-х годах XIX столетия бабиды были перерезаны, замучены, вожди их истреблены, и практическое влияние силы западноевропейских идей на социальный быт Востока снова стало ничтожно, незаметно вплоть до начала XX века. Проповедь научного мышления в Турции, Персии, Китае, — не говоря о Монголии, — до сих пор не дает осязательных результатов, являясь как бы лучеиспусканием в пустоту.

Это печальное явление я объясняю особенными свойствами восточной мысли, направленной не к жизни, не к земле и деянию, а к небесам и покою. Поучительно противопоставление двух типов ума, сделанное известным писателем и социалистом-фабианцем Гербертом Уэльсом в речи, произнесенной им 24 января 1902 года в Лондонском институте изучения Востока:

«Ум человеческий бывает двух типов, главное различие между которыми заключается в их отношении к времени, в том, сколько значения придают они прошедшему и будущему.

Первый, по-видимому, господствующий тип, находимый у большинства людей, о будущем совсем не помышляет, смотрит на него как на какое-то темное “небытие”. Настоящее в его понятии как бы надвигается на будущее и пишет на нем события. Второй ум, более новый и гораздо реже встречающийся, сосредоточивает свое внимание главным образом на будущем, а на прошедшем и настоящем останавливается лишь настолько, насколько оно обуславливает будущие явления».

«С точки зрения первого, мы лишь пожинаем в жизни посеянное в прошлом, с точки зрения второго — жизнь служит для приготовления и устройства будущего».

«В противоположность первому, пассивному, это — активное состояние ума, это ум молодости, ум, чаще встречающийся среди западных народов, в то время как первый есть ум дряхлого Востока».

Каждый раз, когда Западная Европа, утомленная непрерывным строительством новых форм жизни, переживает годы усталости, — она черпает реакционные идеи и настроения от Востока. «С Востока свет!»

В утомленной крови победоносно развивается отравка, воспринятая ею от столкновения с Азией, от азиатской мысли, запуганной, бессильной, унижающей человека, той мысли, которая создана Востоком, в печальных условиях его бытия поработила его и ныне отдает в плен и власть европейского капитала.

* * *

*

Явные и постоянные черты всякой реакции всегда выражаются в том, что победители начинают бояться разума, которым они пользовались как оружием и силу которого хорошо знают; побежденные же сомневаются в силе разума, мировое творческое значение которого не вполне ясно им, ибо побежденным является народ, а его, как известно, не очень охотно знакомят с могуществом разума и науки. Страх перед разумом вызывает у победителей стремление подорвать его силы: они начинают говорить об ограниченности разума, о том, что исследование не способно разрешить загадки бытия, ставят на место изучения умозрение, на место исследования — созерцание. Можно думать, что все это проповедуется сознательно и бессознательно — с намерением еще более укрепить сомнение побежденных в могуществе разума.

История оправдывает и утверждает этот взгляд.

Возьмем европейскую реакцию начала XIX века, когда Европа, напуганная великою революцией, была подавлена деспотизмом Наполеона, а вслед затем подпала еще более тяжкому гнету «Священного Союза»¹¹, который был основан против «вольномыслия, атеизма и ложной учености». Тогда в сфере мысли «испугались все сильного господства начал разума, которое провозгласила материалистическая философия XVIII века; в сфере практической жизни и политики — самодержавия народа, которое провозгласил Руссо.

На почве этого страха и разочарования буржуазии в способности взять всю «широту власти» в свои руки буржуазия почувствовала отвращение к действительности, обманувшей ее надежды, и ее литература отдалась во власть романтизма. Основой романтизма является болезненно развитое ощущение своего «я», которое романтики ставят выше всех явлений мира, выше всего мира, в позицию божественного законодателя. Личность, по убеждению романтика, совершенно свободна от связи с миром, от влияния на нее действительности. Весьма возможно, что в глубине такого убеждения лежал недавний пример Наполеона, который в несколько лет вырос из поручика в императора, поработил всю Европу, создавал из рядовых солдат маршалов и королей.

Наиболее резко и точно выражено отношение романтика к себе и миру Ф. М. Достоевским в «Записках из подполья», сочинении, где соединены все основные идеи и мотивы его творчества.

«Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз: своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествия, — вот все это и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». «Стою за свой каприз и за то, чтобы он был мне гарантирован, когда понадобится». «Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам, Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

Эта проповедь безудержного, ничем не ограниченного своеволия скрывает в глубине своей отчаяние личности, неспособной приобщиться миру, оторванной от него, это анархизм отчаяния, всегда свойственный настроению романтиков. Убеждение в праве личности на неограниченное своеволие открывает перед романтиком в одну сторону путь к анархизму, безначалию, в

другую — необходимо приводит его к идеализации единовластия монархизма.

Среди равных себе романтики не могут признать главу, и Новалис, один из немецких романтиков, прямо говорит: «Король — это человек, исполняющий на земле роль небесного Провидения».

Вот суждения романтиков: Шатобриан, французский писатель, говорит: «Зачем крестьянину знать химию? В народе гораздо более ума, чем в философах, — народ не отрицает чудес. Что бы ни говорили, а прекрасно всегда находиться среди чудес».

Это был вполне сознательный реакционер, посвятивший свои силы борьбе против философии разума, созданной писателями XVIII века. Его лозунг: «необходимо вернуться к религиозным идеям» недавно провозглашен известной группой русской интеллигенции. В одном из писем к другу своему, тоже реакционеру, Де-Местру¹², он писал: «Все скрыто, все неизвестно во вселенной. Всевечная судьба поставила Рок и смерть на двух концах нашего пути и с высоты трона своего бросила нашу жизнь в пустоту времени, чтоб она катилась без основания и смысла».

«Жизнь — болезнь духа! — говорит Новалис¹³. — Да будет сновидение жизнью!» Другой писатель, Тик¹⁴, вторит ему: «Сновидения являются, быть может, нашей высшей философией». Эти мысли тоже неоднократно повторены русской литературой последних годов.

Романтики начала XIX века предпочитали практической деятельности свободную игру фантазии, созерцание — исследованию, религию — науке, веру — разуму.

Их современник, великий поэт и мыслитель Гете, так определил романтизм:

«Романтизмом я называю все больное. Большинство новейших произведений романтично, но не потому, что они новы, а вследствие присущей им слабости, чахлости и болезненности».

А историк литературы Иоганн Шерр¹⁵ сказал, что «реакция и романтизм вполне равнозначные понятия».

Датский историк литературы, знаменитый Брандес, — тот, которого не пустили в Россию¹⁶ читать лекции, — говорит о настроении романтиков: «Ненависть к прогрессу и миру действительности привела к тому, что склонность к фантазии и чудесному стала душою поэзии и прозы».

Романтиков с великой силою привлекал к себе Восток. Историк немецкой литературы Гетнер¹⁷ объясняет это так: «Ро-

мантик хочет старого, потому что готовые, вполне законченные и чувственно осязаемые образы и формы отжившего прошлого кажутся ему более приятными и поэтичными, чем создающееся новое, которое не может представить для беспомощной фантазии осязательных и крепких точек опоры».

Основоположники теории романтизма, братья Фридрих и Август Шлегели¹⁸, рекомендовали поэтам той эпохи обращать внимание на Восток, потому что там жизнь наиболее проникнута фантазией. Они ставили в пример немцам аскетов-индусов как людей, которые достигают совершенства в созерцании тайн жизни и видят лицо Божие. Август Шлегель писал: «Европа оказалась нестойкой в религии. Серьезная революция может прийти только из Азии, только на Востоке не исчез энтузиазм».

Это было сказано в 1811—1812 годах, когда Шлегель, защитник абсолютной свободы личности, состоял на службе реакционера Меттерниха¹⁹, читая лекции в Вене и проповедуя поход против духовной и гражданской свободы. А спустя почти полвека знаменитый исследователь Востока Вамбери говорит²⁰: «Изумительна способность Востока грезить, фантазировать, но еще более изумляет отсутствие в нем энтузиазма и страстей, при наличии болезненно развитой чувственности».

Шлегели изучали Восток по книгам, которых в ту эпоху было немного. Современные нам знатоки Азии не видят в них залежей энтузиазма и энергии, большинство из них склонно думать, что возбудителем событий, совершающихся на Востоке в наши дни, является энергия европейской культуры.

Говоря о романтизме, я подразумевал, конечно, только романтизм индивидуалистов, людей, оторванных от жизни. Социальный романтизм Шиллера, Байрона, Гюго — одно из прекраснейших созданий западноевропейской психики, это — священное писание гения действительной жизни.

* * *

*

«Ум дряхлого Востока» наиболее тяжело и убийственно действует в нашей русской жизни; его влияние на русскую психику неизмеримо более глубоко, чем на психику людей Западной Европы. Русский человек еще не выработал должной стойкости и упрямства в борьбе за обновление жизни — борьбе, недавно начатой им. Мы, как и жители Азии, люди красивого слова и неразумных деяний; мы отчаянно много говорим, но мало и плохо делаем, — про нас справедливо сказано, что «у русских

множество суеверий, но нет идей»; на Западе люди творят историю, а мы все еще сочиняем скверные анекдоты²¹.

У нас, русских, две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что «Судьба — всем делам судья», «Ты на земле, а Судьба на тебе», «Против Судьбы не пойдешь», а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы.

Это слабосилие, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать, объясняется, вероятно, нашим близким соседством с Азией, игом монголов, организацией Московского государства по типу азиатских деспотий и целым рядом подобных влияний, которые не могли не привить нам основных начал восточной психики. Чисто восточное презрение к силе разума, исследования, науки прививалось нам не только естественно, путем неотразимых влияний, но и намеренно, искусственно, домашними средствами. Мы слишком долго, почти до половины XIX века, воспитывались на догматах, а не на фактах, на внушении, а не на свободном изучении явлений бытия.

Уже с XIII века Западная Европа решительно и упорно приступила к поискам новых форм мысли, к изучению и критике восточного догматизма, а у нас в XVII веке требовалось, чтобы «никто из неученых людей в домах у себя польских, латинских и немецких и люторских, и кальвинских, и прочих еретических книг не имел и не читал. — И таковые книги сжигать. Аще же кто явится противен и оныя возбраняемые книги у себя коим-нибудь образом окажет, да иных тому учить будет, и таковой человек без всякого милосердия да сожжется».

В конце XV века вся Европа была покрыта типографиями, везде печатались книги. Москва приступила к этому великому делу в 1563 г., но после того, как были напечатаны две книги — «Апостол» и «Часослов», — дом, где помещалась типография, ночью подожгли, станок и шрифты погибли в огне, а типографы со страха бежали в Литву. Естественно, что при таких условиях русский народ должен был отстать от Запада в своем духовном росте, и естественно, что в нем должны были укрепиться начала Востока, обезличивающие душу. Эти начала вызвали развитие жестокости, изуверства, мистико-анархических сект — скопчества, хлыстовства, бегунства, странничества, и вообще стремление к «уходу из жизни», а также развитие пьянства до чудовищных размеров.

На буржуазии влияние азиатских начал сказалось и сказывается в ее недоверчивом, но лишенном разумной критики, отношении к опыту Западной Европы, в усвоении восточной косности, которая мешает росту торгово-промышленной инициативы и росту сознания буржуазией своей политической роли в государстве.

Недавно один из чрезвычайно русских мыслителей, В. В. Розанов, расхваливая плохую книгу о Тургеневе, сказал:

«С Востока — лучшие дворянские традиции, с их бытом, приветом и милыми “закоулочками”, с “затишьем” и “лишними людьми” захолустных уездов». Да, то, что Розанов называет «лучшими традициями дворянства», — это с Востока. Но либеральные идеи дворянства, его культурность, любовь к искусствам, заботы о просвещении народа, — это от Запада, от Вольтера, от XVIII века.

А вот жестокость к рабам и раболепие пред владыками, столь свойственное нашему дворянству, это от Востока вместе с «обломовщиной», типичной для всех классов нашего народа. Верно также, что бесчисленная масса «лишних людей», всевозможных странников, бродяг, Онегиных во фраках, Онегиных в лаптях и зипунах, людей, которыми владеет «беспокойство, охота к перемене мест», это одно из характернейших явлений русского быта, — тоже от Востока и является не чем иным, как бегством от жизни, от дела и людей.

Есть и еще много особенностей в нашей жизни, в строе наших душ, и есть немало русских людей, которые полагают, что это наше особенное, самобытное имеет высокое значение, обещает нам в будущем всякие радости.

Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и разумных русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике. Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике, нам нужно лечиться от пессимизма — он постыден для молодой нации, его основа в том, что натуры пассивные, созерцательные склонны отмечать в жизни преимущественно ее дурные, злые, унижающие человека явления. Они отмечают эти явления не только по болезненной склонности к ним, но и потому, что за ними удобно скрыть свое слабование, обилием их можно оправдать свою бездеятельность. Натуры деятельные, активные обращают свое внимание главным образом в сторону положительных явлений, на те ростки доброго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будут изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь.

Русское «богоискательство» проистекает из недостатка убежденности в силе разума, — из потребности слабого человека найти руководящую волю вне себя, — из желания иметь хозяина, на которого можно было бы возложить ответственность за бестолковую неприглядную жизнь.

Бегство от мира, отречение от действительности обыкновенно прикрывается желанием «личного совершенствования»; но все на земле совершенствуется работой, соприкосновением с тою или иною силой. В существе своем это «личное совершенствование» знаменует оторванность от мира, вызывается в личности ощущением ее социального бессилия, наиболее острым в годы реакции. Так, у нас в России эпидемия «совершенствования» была очень сильна в глухую пору 80-х годов и возродилась после 1905 года.

Современная буржуазная мысль, выработавшаяся, выродившаяся и бесталанная, предвидя великие события, бороться с коими она не силах, идет к Востоку, пытается оживить умирающие идеи и учения о призрачности мира, о бессмыслии жизни, об анархическом своеволии личности, оправдывающем ее фантазии и капризы, ее жестокость и деспотизм. Но Восток духовно отходит к Европе, и безвольное движение буржуазной мысли так же нелепо, как нелепо было бы человеку спешно ехать из Петрограда во Францию и Англию через Азию и Тихий океан.

Поворот к мистике и романтическим фантазиям — это поворот к застою, направленный в конце концов против молодой демократии, которую хотят отравить и обессилить, привив ей идеи пассивного отношения к действительности, сомнение в силе разума, исследования, науки, задержать в демократии рост новой коллективистической психики, единственно способной воспитать сильную и красивую личность. Демократия должна уметь разбираться в этих намерениях; она должна также научиться понимать, что дано ей в плоть и кровь от Азии, с ее слабой волей, пассивным анархизмом, пессимизмом, стремлением опьяняться, мечтать, и что в ней от Европы, насквозь активной, неутомимой в работе, верующей только в силу разума, исследования, науки.

